

К. Е. СКУРАТ

«ЖИЗНЬ БЛАЖЕННАЯ И СВЕТЛАЯ...
ЕСТЬ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ»

По письмам священномученика Илии Четверухина
Часть I

УДК 82-94

Аннотация

Статья представляет собой духовную биографию сщмч. Илии Четверухина. Основываясь на воспоминаниях родных отца Илии и его письмах из заключения, автор выявляет основные душевные качества мученика, показывает его духовное возрастание и углубление веры в тяжелых условиях советского концлагеря. Так перед глазами читателя встает подлинный духовный портрет сщмч. Илии.

Ключевые слова: жизнь во Христе, сщмч. Илия Четверухин, письма из заключения.

ЖИЗНЬ БЛАЖЕННАЯ И СВЕТАЯ...

Когда мы думаем о святых, святые также думают о нас и нам помогают — так мы заводим дружбу со святыми.

Преподобный Паисий Святогорец
(† 1994)

Я всегда учил своих духовных детей словом, а теперь буду учить их своим примером.

Священномученик Илья Четверухин
(† 1932)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в юношеские годы, когда личность человека, как у посаженного деревца, формируется, будущий священномученик Илья Николаевич Четверухин (1886—1932) писал своей будущей супруге Евгении Леонидовне Грандмезон (1883—1974), целожизненному другу, отмечая с чувством глубокой веры сильное духовное влечение к жизни во Христе — к подвигу во славу Спасителя, «с именем Его на устах», в полной преданности Его святой воле. Читаем: «Жизнь блаженная и святая, влекущая меня... есть жизнь во Христе, по Его заповедям, в любви к Нему, где каждый шаг был бы, по возможности, во славу Его и с именем Его на устах... Вам представилось одно хорошее дело, и Вы счастливы, а как вся жизнь во славу Христа? Сам Бог благословил бы нас и обитель сотворил бы в нас... Я не говорю специально о монастыре. Помните у Феофана: отрешение от мира состоит не в удалении в монастырь или в пустыню, а в отрешении от грехов, греховных привычек и греховного образа жизни. Такое отрешение, мне думается, желательно... Воля Господня неисповедима, и да будет... так... как Ему угодно. Он желает только добра для нас. И один только знает, что нам нужно. Господи, да будет воля Твоя! В руце Твои предаю дух мой, “ими же веси судьбами спаси мя!”»¹.

¹ Четверухин И., свящ. 2016. С. 400.

И Господь принял его в Свои святые Обители.

Да будет воля Твоя, Господи, и в моем небольшом труде. Я уже готов был остановиться в своих обозрениях, ибо сил осталось совсем мало. Но так все сложилось, что я почувствовал: надо продолжить.

Обстоятельства были таковы. Меня одолела общая слабость. Но заведующий нашим Лаврско-академическим медпунктом игум. Тихон (Барсуков, низкий ему поклон) немедленно направил меня в г. Химки (Московская обл.) в больницу № 119, где меня встретили с братской любовью, с родной добротой врачи, сестры, да и все труженики больницы. Особенно хочу назвать милых: Татьяну Лазаревну Губанову — заведующую вторым кардиологическим отделением и Ирину Леонидовну Михайлову — лечащего врача. Конечно, я бесконечно благодарен и г-м Агаповым: Василию Константиновичу и Константину Васильевичу — людям с Большой Красивой буквы! А также Виталию Васильевичу Хороброму — добрейшему Служителю. А как не упомянуть администрацию и Свято-Троицкой Сергиевой лавры, и Московской духовной академии! Без них все могло бы остаться без должного движения. Или игум. Николая (Павлыка), иерод. Пафнутия (Фокина), братьев Котовых, Владимира, Людмилу, Сергия и др.!

С усердием исполнил доброе дело не только в направлении меня в больницу, но и в том, что накануне привез мне в Абрамцево кипу книг, весомых и по объему, и по содержанию, игум. Анастасий (Казмирчук), имя которого хорошо известно в больнице. Все это привело к тому, что я снова взялся за перо. Я тут же полученные книги пролистал, и одна из них приковала мое внимание: «Слава Богу за все...» В этой объемной книге (600 стр.) обстоятельно представлено жизнеописание сщмч. Илии с его письмами, некоторыми поучениями, проповедями, с письмами его матушки Евгении, письмами родных, с рассказами очевидцев и др. А внимание мое привлекла эта книга по трем причинам:

- во-первых, потому, что с Четверухиными была знакома моя жена Мария Константиновна Скурат (в девичестве Апушкина, сконча-

лась 21 декабря 2016 г.). С матушкой Евгенией она встречалась в храме пророка Илии, что в Обыденном переулке. Ее родители — Апушкины Константин Константинович и Елена Владимировна, — кажется, хорошо знали Четверухиных.

- во-вторых, потому, что увидел в книге весьма и весьма близкое для меня имя Никитина Сергея Алексеевича (в монашестве Стефана, еп. Можайского, Калужского († 1963)). В его бытность старшим священником в Свято-Тихвинском женском монастыре Днепропетровска я ездил к нему осенью 1957 г. за духовным советом. Отец Сергей поисповедовал меня, накрыл епитрахилью прот. Алексея Мечева (потом канонизированного) и благословил на брак с Марией Апушкиной, человеком не от мира сего. С ней мы прожили душа в душу 58 годов, не зная, что такое непонимание одного другим. Все минуты были наполнены только теплом, радостью, добром... Читаем воспоминания матушки Евгении: «Говорил батюшка и об окружавших его в последней роте² добрых людях, приводя слова апостола: “Честию друг друга болюа творяще...”³. Как-то он указал мне через окно на доктора С. А. Никитина и назвал его ангелоподобным. Этот врач был раньше председателем приходского совета в храме свт. Николая в Кленниках, где настоятельствовал отец Алексий Мечев. И привелось моему батюшке последнее время перед кончиной работать под начальством этого врача, быть ему помощником»⁴.
- в-третьих, потому, что последнее время нахожу успокоение, отдых в чтении писем наших — русских — церковных учителей.

Дорогих читателей прошу милостиво простить мне то, что, выставив важную тему, раскрыл ее кратко. Причина одна: возраст мой давно

² Речь идет о лагерной роте. — *Примеч. ред.*

³ Рим. 12, 10.

⁴ Четверухин И., свящ. 2016. С. 258–259.

перешагнул через библейский порог жизни, возвещенный нам устами святого пророка и псалмопевца Божия Давида⁵.

К сему надо только присоединить, что для меня было дорого цитирование свидетельств самих участников событий или очевидцев, родственников священномученика.

1. К ЖИТИЮ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛИИ

Можно сказать, что весь жизненный подвиг сщмч. Илии Четверухина как на ладони предстает в его итоговых словах, которые были им сказаны узнику, вместе с ним несущему страдания в так называемом «исправительно-трудовом лагере на реке Вишере»⁶ и работающему по специальности врачом лагерной больницы, Сергею Алексеевичу Никитину:

«Прохор Мошнин (прп. Серафим Саровский. — К. С.) так говорил: “Стяжи мир, и около тебя тысячи спасутся”. Я тут стяжал этот мир души, и если я хоть маленький кусочек этого мира привезу с собой в Москву, то и тогда я буду самым счастливым человеком. Я многого лишился в жизни и уже не страшусь никаких потерь, я готов каждый день умереть. Я люблю Господа, и за Него готов хоть живой на костер». «На другой день, — добавляет автор-составительница книги, — слова эти сбылись. Буди имя Господне благословенно от ныне и до века. Аминь»⁷.

Палачам оказалось недостаточно наказать так называемого «контрреволюционера монархической группировки», «антисоветчика-агитатора»⁸. И «20 марта 1933 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, уже после смерти протоиерея, спустя три месяца после гибели, приговорило к трем годам ссылки в Северный край и направило распоряжение в лагерь — отправить священника в город Вологду

⁵ Пс. 89, 10.

⁶ Четверухин И., свящ. 2016. С. 225.

⁷ Там же. С. 278.

⁸ Там же. С. 222.

для дальнейшего прохождения наказания. Машина подавления не могла остановиться»⁹.

А как поступили с родными, с родственниками отца Илии? «У них отняли все: средства к существованию, гражданские права, возможность служить Господу. Но и в таких жизненных обстоятельствах они сохранили кристальную чистоту души, великую веру в Бога, в Его милость... И все жизненные трудности, даже смерть своих детей, они встречали неизменным “Слава Богу за все!”»¹⁰.

Верный своему служению Церкви Божией, верный до последнего дыхания батюшка-богослов, духовный наставник-учитель, исповедник-мученик, образ доброго пастыря в марте 2002 г. был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. День его церковной памяти 5/18 декабря.

2. ПИСЬМА ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ожидать обстоятельного раскрытия той или иной церковной тематики от писем из заключения или лагерей не приходится. Причина ясна: «контрреволюционеры» должны быть под неусыпным оком «блюстителей порядка». Редко пиши, да и так, чтобы в твоих письмах дышало строительство «светлого» коммунистического общества. «Заклученный, — пишет составительница книги Ольга Сергеевна Четверухина — имел право отправить только одно письмо в месяц, которое, естественно, подвергалось жесткой цензуре»¹¹. И сам заключенный: «Здесь очень трудно достать открытки, конверты, бумагу, марки. Хотя ты и положила эти вещи в мою корзиночку, но их мало осталось, пропали где-то»¹². Тем не менее на основании разных свидетельств так называемого «контра» можно почувствовать ужасы лагеря и одновременно духовную высоту страдальца.

⁹ Четверухин И., свящ. 2016. С. 278.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Там же. С. 226.

2.1. Лагерная жизнь

Чем характерна эта жизнь недавнего прошлого? Прежде всего *изнурительным трудом*:

«Расскажу о себе, — сообщает узник батюшка. — Живу я... в 3-й роте... Сплю на верхних нарах. В моем распоряжении 2,5 аршина длины и 3,5 аршина ширины. Тут и все мое имущество, которое частью лежит и висит над головой... Раньше работал землекопом (девять дней), чернорабочим на стройке (девять дней), теперь рабочим на лесопильном заводе при ящичной мастерской (где пилят дощечки для ящиков). Моя работа — выгребать опилки из-под машин, выносить вон обрезки досок: «рейки» — края досок и «сухари» — концы досок. Работа... очень утомительная, потому что продолжается без малейшего перерыва, все время на ногах, в движении и напряжении, и много приходится нагибаться к полу, что вызывает во мне одышку... Ко мне в мастерской и в роте относятся хорошо, с уважением, даже с приязнью. Спасибо добрым людям... Морозы большие, до тридцати восьми градусов по Цельсию»¹³. «Работаю много... Ухожу на работу к девяти часам утра, возвращаюсь не раньше девяти, а то и позже, вечера. Очень устаю, и некогда мне ни почитать что-нибудь для себя, ни подумать, и скоро ложусь спать»¹⁴. «Каждый день часов по 14—16 работаю и все не успеваю. Раньше я был помощником делопроизводителя, и работы хватало на двенадцать часов ежедневно, а теперь я делопроизводитель без помощника, и шестнадцать часов мне, конечно, мало. Я волнуюсь, тороплюсь с делами и не все у меня выходит вовремя, терплю огорчения и не знаю, что в конце концов у меня получится»¹⁵. «Был послан на лесозаготовительные работы в командировку под Чердыню. Там один день я рубил лес, девять дней был накатчиком бревен на сани и двадцать пять дней конторщиком»¹⁶. «Общие работы — это всевозможные черные

¹³ Четверухин И., свящ. 2016. С. 228—229.

¹⁴ Там же. С. 231, 232.

¹⁵ Там же. С. 235.

¹⁶ Там же. С. 231.

физические работы, большей или меньшей трудности, к каким привлекаются наравне... Я послан работать в зональную опытную станцию, там я вспахивал навоз ручным способом в теплицах, таскал воду, качал воду пожарным насосом для поливки прибрежных растений и т. д.»¹⁷. «Живу за проволокой, работаю за пять километров от лагеря, несущу труды разного рода... Нелегко мне... Недавно при напряжении в работе появилась у меня пупочная грыжа,.. хирургов хороших нет... Работа... и по здоровью, и по возрасту тяжела мне... Работаю добросовестно... В выходные дни хожу еще на ударную работу по пилке дров для лагеря»¹⁸.

От усталости узники в свое ложе спать «валились». «Я, — пишет отец Илия, — усталый от работы, валюсь спать», ведь в 5 часов 50 минут уже подъем, а в 7 часов работа¹⁹.

Недостаточный отдых и скудное питание не восстанавливали силы: «Продолжу ответы на твои вопросы, как я живу... как питаюсь... Отдыхаю в поле, когда нет дождя, и завтракаю черным хлебом. Придя с работы, обедаю и ужинаю сразу: на обед и ужин дают по ковшу щей (обед) и супа из пшенной крупы (ужин). Тут же пью чай»²⁰.

Бедой было *воровство* или же «перехватывание» посылок от родных, от друзей: «У меня украли из кармана в мастерской тот черный пуховый шарф, который ты мне передала при разлуке. Он был мне крайне нужен, пока я работал на вольном воздухе (землекопом и на стройке)»²¹. «Слишком часто шлешь мне посылки. Но из них я пока имею только две, а теплых вещей и белья пока не получал»²². «Посылка твоих до сих пор, вот уже четыре месяца, не получал»²³.

¹⁷ Четверухин И., свящ. 2016. С. 240–241.

¹⁸ Там же. С. 241, 242.

¹⁹ Там же. С. 227.

²⁰ Там же. С. 241.

²¹ Там же. С. 229.

²² Там же. С. 230.

²³ Там же. С. 239.

Усугубляли тяжесть положения *болезни*, которые влекли за собой изменение труда не в лучшую сторону: «Захворал я. Появилась температура. Озноб, ломота, пульс учащен. Положили в лазарет, где и теперь нахожусь. Температура спала, но обнаружили недочеты в сердце. Их лечат. Дело идет на поправку. Скоро выпишут меня из больницы. Но вот что я узнал сегодня. Поступив в больницу, я оторвался от своего прежнего положения в лагере: от своего штатного места на заводе, от своего места в роте и самой роты. Все мне будет назначено вновь, когда я выйду из больницы... Я этим... озадачен и обеспокоен»²⁴.

Нелегко было также переносить *жестокое обращение* конвоиров и других «слуг» режима. Но эта сторона освещена более полно и открыто лицами, вышедшими из лагерей и получившими ту или иную свободу, или же теми, кто с исповеднической решимостью подвизался и продолжает подвизаться над изучением архивных материалов, документов того времени. К их описаниям и подобает обращаться²⁵.

И, пожалуй, самым трудным, самым грустным, самым безотрадным была *оторванность от семьи*, от друзей, от родного края и неуверенность в том, что после срока заключения, даже длительного, вернешься домой, потому что нередко срок увеличивали, находили «вину» и запросто добавляли годы. Это могло и повторяться, ведь для строительства «светлого будущего» требовалось много-много бесплатного — рабского труда!

«Ах, так я тоскую по тебе! — восклицает горестно узник. — Не по свободе, не по дому, не по книгам, а только по тебе! Если бы ты была здесь, около меня, я был бы счастлив»²⁶.

«Приезжай, пожалуйста! Хотя бы свидание было не более пяти раз, по два часа в день, в присутствии коменданта, но я все-таки хочу хоть ненадолго повидать тебя и поговорить с тобою уста ко уста. Правда,

²⁴ Четверухин И., свящ. 2016. С. 229–230.

²⁵ См.: Труханов М., прот. 2010; Дамаскин (Орловский), игум. 2006–2016. Приложение. Раздел «Лагерные рассказы».

²⁶ Четверухин И., свящ. 2016. С. 230.

может быть, меня возьмут на этап и переведут в другой лагерь. Но все-таки из-за этого отказаться от попытки свидания я не могу»²⁷.

«Очень рад, что ты ко мне собираешься. Приезжай поскорее. Жду тебя. Свидание хотя, может быть, будет только на три дня, а все-таки хочу тебя видеть... Многие наши уезжают в другие места, может быть, и мне придется куда-нибудь переходить, но надеюсь, что ты меня еще застанешь на Вишере. Ты меня не узнаешь, пожалуй. За этот год я очень постарел и видоизменился»²⁸.

Рабство, соединенное с беспомощностью или просто с садизмом, извращенной жестокостью, — явления, злые явления, характерны для режима недавних времен. И тем не менее огонек веры не погас — он горел не только в сердцах тех людей, которые были вне колючей проволоки, но и у тех, кого зорко «блюли» «стражи порядка».

2.2. Духовная высота страдальца

Невзирая на ту темную ночь, которая окутывала своей неприглядностью узников лагеря, изгнанные не за преступление, а за жизнь в правде свято хранили высоту духа не теряли ни веры в горный мир, ни надежды на Промысл Божий, ни любви к Богу и людям. Вспоминали добрых людей, благодарили за их участие в облегчении тяжелой ноши невинно осужденных, радовались их честности, серьезности, живо интересовались их радостями и горестями. Если были последние, то, в свою очередь, старались сказать утешительное слово, поддержать скорбящих и даже показать в окружающем лагерном мраке нечто полезное — именно здесь приобретенное. Короче, никому не унывать, не падать духом — всё в руках Божиих, всё в Его святой воле. Это всем надо понять, усвоить и крепко держаться!

Все эти черты характерно выявляются в исповедническом и мученическом подвиге батюшки Илии.

²⁷ Четверухин И., свящ. 2016. С. 239.

²⁸ Там же.

1. «Милая Женечка!.. Милый друг, — пишет батюшка, — спасибо тебе за все доброе, правильное, хорошее, сердечное, что я видел в тебе и от тебя. Крепко тебя целую, мой друг, не скорби о Маше и обо мне много, помни, что все к лучшему. *Без ропота оглядываюсь я на прожитый год нашей разлуки, без ропота вспоминаю ненаглядную Машеньку, без ропота представляю себя без любимых и нужных мне сокровищ книжных, без ропота вижу себя среди унижения, бесправия и в разлуке с семьей и друзьями... Все к лучшему*»²⁹.

«Прости меня, если я делил любовь между тобою и библиотекой. Теперь ты у меня единственное сокровище... Беру книги в библиотеке... Случайно мне попали в руки два романа Бальзака: “Отец Горио” и “Утраченные иллюзии”. Талантливые вещи. Я находился под большим впечатлением от них. Прочитал еще “Детство” и “Мои университеты” Горького. Это, по моему мнению, лучшие его произведения, и сами по себе превосходны. В “Исповеди” его очень хороша первая треть ее, середина уже нехороша, а конец совсем никуда не годится — и фальшиво, и глупо»³⁰.

«Моим знакомым передай поклон и привет. Всех их вспоминаю с теплой благодарностью»³¹.

2. Среди мрака отец Илия *радуется сердечности, честности, серьезности* — доброты своего сына Сережи, да и других детей, за все благодарит его и их: «Сереже спасибо за сердечное и доброе письмо. Он всем меня радует... Радуюсь близости к тебе (к матушке. — К. С.), радуюсь его успехам по службе, радуюсь честности, доброте и серьезности его намерений... Спасибо ему за искреннее желание мне помочь! Спасибо ему за доверие ко мне и откровенность! Буду рад получать от него письма»³². «Спасибо детям за письма. Целую их крепко, моих

²⁹ Четверухин И., свящ. 2016. С. 236.

³⁰ Там же. С. 234–235.

³¹ Там же. С. 228.

³² Там же. С. 242.

милых. Образом жизни и направлением Сережи доволен. Хотелось бы мне знать и про Андриюшу: как он проводит свободное от работы время, с кем общается, с кем дружится, что читает, чем интересуется, о чем мечтает»³³.

3. С отцовским чувством вспоминает и воспринимает *боль о почивших детях*: Ванечке (1918—1923) и Машеньке (1926—1931), но и в этом видит волю Божию: «Как ты, милая, себя чувствуешь теперь? Знаю: после смерти Машеньки мир значительно опустел для тебя. (Как это знакомо! — К. С.). Мне трудно подумать, что я не увижу больше ту, которую видел в последний раз в окошечко в Бутырках. Большими своими красивыми глазами глядела она серьезно, немного удивленно на меня и на всю происходившую сцену прощания и отводила глазки в сторону, когда я обращал внимание на нее. Уж не ласкать мне ее на своих коленях! Но какое счастье для нас и для них, для Машеньки и для Ванечки, что они были такими хорошими, что они были добрыми, ласковыми, милыми, чистыми, незапятнанными и мирными перешли в другую жизнь. Сколько трудностей, страданий и зла избегли они своей ранней смертью!»³⁴ (Какое тепло! Какая глубина любви! Как точно исповедана Истина!)

4. С меньшим участием *думает* отец Илья о *тяготах жизни материшки*, о ее крестном пути, хотя и на свободе: «Я жив и здоров, но без тебя. Часто-часто ты в моих мыслях и представлениях, тревожусь о тебе, сопровождаю тебя всюду, радуюсь, если думаю, что ты теперь отдыхаешь после полугодовых чрезмерных трудов и нравственных потрясений. Крепко-крепко тебя целую и деток также, всем нашим родным привет и благодарность за любовь и память... Молитесь за меня»³⁵.

³³ Четверухин И., свящ. 2016. С. 243.

³⁴ Там же. С. 233.

³⁵ Там же. С. 234.

5. *Величие души святого Узника* выразилось в написанных одно за другим двух письмах после посещения лагеря матушкой. Содержание их весьма и весьма поучительно, трогательно, глубоко. С ними полезно всем познакомиться, потому привожу их почти полностью, как они представлены в источнике: «8 июня 1932 г. Милая Женечка, вот уже вторая неделя, как ты уехала... После тебя остался в душе моей светлый, милый образ твой. Свидание с тобой принесло мне громадное утешение, которого не отняла даже разлука. Вместо тоски я испытываю отраду при воспоминании о тебе. Каждое слово твое, каждое действие были по сердцу моему и были как бальзам на мою израненную душу. Спасибо тебе, родная, за твой приезд ко мне! Спасибо и деткам, проводившим тебя ко мне с любовью и, верю, с любовью теперь встретившим тебя обратно. Мне очень дорога любовь к тебе моих деток. Как ты доехала? Устала, милая? Как питалась в дороге? Не голодала ли? Кто тебе носил тяжести? Взяла ли извозчика с вокзала домой?.. Как бы мне хотелось, чтобы ты побольше и получше отдохнула летом, чтобы получше и побольше питалась, и побольше спала, и поменьше утомлялась и волновалась. Деток прошу поухаживать за мамой, побережь ее как только можно»³⁶.

«3 июля 1932 г... Вот уже второй месяц идет, как мы с тобой виделись. Июнь пролетел для меня быстро, и легко, и покойно, но в июле меня постигли неожиданности. Я опять на общих работах. Работаю на сельхозе, на другом берегу Вишеры, против дома свидания... Храню пока душевный покой, вспоминаю тебя с любовью и благодарностью, всех деток люблю и желаю всем доброго здоровья, мира душевного и всего, всего хорошего»³⁷.

Велико и утверждение батюшки: «Я не падаю духом, и ты не унывай»³⁸.

6. А вот что увидел в лагере отец Илия и полезное для себя, о чем и сообщил матушке незадолго до своей кончины (немного больше месяца):

³⁶ Четверухин И., свящ. 2016. С. 239–240.

³⁷ Там же. С. 240.

³⁸ Там же. С. 228.

«9 ноября 1932 г... Если придется вернуться к тебе, я постараюсь всячески помочь тебе: я теперь научился и уборку помещения производить, и кушанье варить, и печку топить, и дрова готовить, и в лавку ходить, и воду носить, одним словом, ко всем черным работам привык — “чернорабочий”. Только бы хватило рвения служить другим, а не себе»³⁹.

7. С глубокой верой в Промысл Божий молится — и Господь слышит молитву. «Господи, — шептал он, — хотя бы я умирал в своих страданиях, я никогда не перестану молиться и верить Тебе». И матушка сообщает: «Тут произошло чудо... На переключке начальник... вспомнил, что батюшку требовали в контору для какого-то дела... И вот по Промыслу Божию трудная для него командировка... принесла ему и пользу: избавила от тяжких трудов. Слава Богу за все!»⁴⁰

8. И последнее в последнем письме (за девять дней до кончины): «9 января 1932 г... Я... привык уже принимать скорби и покоряться... На третий год своей лагерной жизни я привык уже к своему положению, к своей обстановке... и потому вчера был способен насладиться концертом по радио из прелестных произведений Брамса. Чтение книг также доставляет мне очень большое удовольствие. С интересом прочитал я мемуары графа В. Сологуба, А. И. Дельвига, А. Н. Вульфа, Б. Н. Чичерина, биографию А. О. Смирновой, симпатично написанную дочерью моего проф. М. А. Голубцовой. Одним словом, временами я благодушствую»⁴¹.

В «приписке» к данному письму, сделанной на следующий день, выразилось все родное, отцовское к семье: «Дорогой друг! Еще раз крепко-крепко целую тебя, мое сокровище, и деток также. Будьте здоровы и благополучны!.. С любовью твой муж и друг И. Четверухин»⁴².

³⁹ Четверухин И., свящ. 2016. С. 243.

⁴⁰ Там же. С. 257.

⁴¹ Там же. С. 243, 244.

⁴² Там же. С. 244.

Письмо это было получено после ухода батюшки в Страну Вечности — в Царство Небесное, где нет ни печалей, ни болезней, ни страданий!

2.3. Свидетельства матушки Евгении и сына Сергея

Картину лагерной жизни, как и страданий узника, дорисовывает матушка Евгения и сын Сергей Ильич, посещавшие лагерь, слушавшие тайные рассказы мужа и отца. Все, или почти все, сказанное им, они сложили в своих сердцах и, вернувшись домой, записали, а когда открылась возможность явить миру — явили. Нам следует их от всей души поблагодарить, поклониться им и усугубить о них свои молитвы, потому что и описывать страдания родных и близких, и просматривать их, читать — готовить к публикации — значит повторно все переживать. А это очень тяжело, не менее тяжело, чем видеть их самому!.. Свидетельствую об этом по личному опыту. Думаю, что подобный опыт есть у многих, многих — и они согласятся с этим.

1. Итак, свидетельство матушки Евгении: «В те дни батюшка говорил мне, что чувствует себя исколоченным, но не искалеченным. Очень тяжкие воспоминания остались у него от “Бутырок”, где он провел два месяца во время следствия и суда, особенно о той первой ночи, когда после ареста его привели в тюрьму. В камере, или «собачнике», как ее называли, было столько людей, что негде было и прилечь. Кто-то посоветовал ему забраться под нары. И вспомнились ему так любившие его духовные дети. Что бы они сказали, если бы увидели своего батюшку в таком унижении? И заплакал мой батюшка при таком воспоминании. Потом в Бутырской тюрьме нашелся добрый юноша, Андрюша Штерн, он уступил отцу Илии свое место на верхних нарах, но место было очень узко — всего одна доска, да еще около параши»⁴³. «По приезде на Вишеру в декабре 1930 г. батюшку ожидали тяжелейшие физические испытания: он был определен на общие работы. Сначала приходилось в сорокаградусный мороз копать землю, которая едва поддавалась лому,

⁴³ Четверухин И., свящ. 2016. С. 254.

затем пилить бревна, потом выгребать из-под лесопильной машины опилки, а для этого то и дело нужно было нагибаться к полу. И эта последняя работа настолько утомляла, что однажды отец Илия в изнеможении упал на опилки и уже не мог подняться»⁴⁴. «На Страстной неделе приехало новое начальство и велело написать полный отчет о проделанной работе. Был Великий Пяток. Всю ночь на Великую Субботу составлял батюшка отчет, а приехавший начальник крепко спал тут же, в избе. И вспоминал батюшка свой родной храм, стоящую посреди него святую плащаницу и то, как мы, его родные, его присные, молимся вокруг лежащего во гробе Спасителя и поем над ним погребальные песнопения. Не без воли Божией пришлось и нашему батюшке не спать в эту святую ночь. Только к утру этот огромный отчет был окончен. Батюшка положил его на стол около спящего начальника, а сам, измученный, где-то прикорнул и крепко уснул... Вскоре его снова послали на общине, очень тяжелые работы. Надо было с семи часов утра до одиннадцати вечера таскать по две толстых доски с берега на баржу. Это делали по двое заключенных. Чтобы успеть выполнить вовремя “урок”, на берег подымались чуть не бегом. К концу дня все плечи были до крови стертые, все тело болело... Только в три кончили задание, а в пять часов надо было снова вставать на ту же работу»⁴⁵. «Приходилось отцу Илию в продолжение почти восьми месяцев трудиться часто по шестнадцать часов в день без выходных»⁴⁶.

«Я, — продолжает рассказывать матушка, — сидела возле моего батюшки, смотрела на его истрадавшееся и похудевшее лицо. Оно пообветрилось и покраснело. Глаза у батюшки были воспалены от недостатка сна и от песка, который при сильных здешних ветрах несется с берега Вишеры. Он был очень утомлен: ему приходилось начинать работу с шести часов утра... и кончал он работу только в десять—одиннадцать часов вечера»⁴⁷.

⁴⁴ Четверухин И., свящ. 2016. С. 255.

⁴⁵ Там же. С. 256—257.

⁴⁶ Там же. С. 259.

⁴⁷ Там же. С. 253.

Невзирая на рабский труд, на давящий, мучительный гнет, духовная жизнь невинных узников продолжалась: «Исповедоваться удавалось в совсем необычной обстановке: колют вместе дрова, например, и батюшка в это время исповедует свои грехи, а по окончании исповеди отец архимандрит (из Донского монастыря, Архипп. — К. С.) положит на его голову свою руку и прочитает разрешительную молитву. А молиться, осенять себя крестным знамением и причащаться Святых Таин можно было только лежа на нарах, укрывшись с головой одеялом»⁴⁸. «Все пережитое, глубоко скорбное и тяжелое сделало батюшку еще более религиозным. Раньше он был религиозен более разумом, а теперь всей душой и всем сердцем полюбил Господа Иисуса Христа. “Нет Его краше, нет Его милее”, — говорил он мне. Он чувствовал себя здесь подобно живущему в монастыре. “Ведь тут как раз упражняешься в тех добродетелях, которые требуются от монаха, когда он принимает постриг: полное отречение от своей воли, нестяжание и целомудрие”. И действительно, на Вишере батюшка проходил новую духовную академию, более совершенную, чем та, которую он окончил перед принятием сана священника»⁴⁹. Сам батюшка свидетельствовал: «Здесь я прохожу вторую духовную академию, без которой меня не пустили бы в Царство Небесное. Каждый день я жду смерти и готовлюсь к ней”. Батюшка говорил это совершенно спокойно, но каждое его слово, точно тяжелым молотом, било по моему наболевшему сердцу. Я не возражала, все это выслушала молча и только крепко запомнила его слова»⁵⁰. (Детальное изложение матушки — лучшее подтверждение сего.) Отец Илия «всегда чувствовал на себе милость и любовь Божию, дивный Его Промысл, и потому сам делался ближе к Богу и любил Его все больше и больше»⁵¹. «Окончив свою жизнь подобно великому свт. Иоанну

⁴⁸ Четверухин И., свящ. 2016. С. 258.

⁴⁹ Там же. С. 266.

⁵⁰ Там же. С. 259.

⁵¹ Там же. С. 266.

Златоусту, оторванный от своего храма, от паствы, семьи и всего, что было ему дорого, отец Илия до самой своей смерти славил Бога и, будучи в самых скорбных обстоятельствах, научился особенно искренно за все благодарить Господа»⁵².

2. Свидетельствует Сергей Ильич. Без лишних слов (то есть моих) передаю часть рассказа старшего сына батюшки Сергея, использовавшего право на свидание с отцом один раз в год.

«Я, — пишет Сергей, — с нетерпением стал ждать папу, которого, как мне сказали, отпустят после работы. Наконец, около шести часов, вдали, со стороны лагеря, показалась странная фигура высокого человека, который медленно шел нетвердым шагом. Фигура и походка были не папины, и только когда он подошел совсем близко, я вдруг узнал своего папу и бросился к нему. Его действительно узнать было трудно! Вместо привычного мне, представительного, в меру полного священника в добротной рясе, с длинными волосами, небольшой светлой бородкой и усами, передо мной стоял высокий, худой, чуть сгорбленный человек в нескладной, измятой и местами порванной одежде и обуви, наголо остриженный и обритый. На голове торчал мятый картуз. Только его голубые добрые глаза все так же близоруко всматривались сквозь линзы маленьких очков, да и голос оказался ясным и родным. Мы крепко обнялись, поцеловались и сели на лавочку... Отец повел длинный и тяжкий рассказ. Он говорил о самых страшных днях своей жизни: об аресте; о невыносимых условиях в переполненной тюремной камере; об изнурительных допросах, где от него добывались признания в том, чего он не делал; о суде, где его судили за несовершенные им преступления. Рассказал он о мучительном пути на Вишеру в лютые морозы, сначала в нетопленном и переполненном тюремном вагоне, затем пешком более ста верст от Соликамска до Вишеры по занесенной снегом лесной дороге. По пути следования его дочиста обокрали: отняли все теплые вещи,

⁵² Четверухин И., свящ. 2016. С. 265.

даже шапку. Спасли его только чудом сохранившиеся валенки и большой шерстяной шарф, которым он закутывал голову. Мучительными были в тюрьме и первое время на Вишере насмешки и издевательства над ним как священником... Потекли лагерные будни: тяжелая физическая работа землекопом, лесорубом, грузчиком»⁵³.

«Меня и братьев моих отец просил любить нашу маму, заботиться о ней, помогать и слушаться ее советов. Всем духовным детям просил передать сердечную благодарность за заботу о нем, за письма и посылки, за помощь маме и его заочное благословение. На прощание мы обнялись и крепко поцеловались. Я был счастлив, что мне удалось увидеться с ним. Мне тогда казалось, что самые тяжелые испытания остались позади, он выдержит все и снова будет с нами. Но Бог решил иначе: больше я папу не видел, на то была Его святая воля»⁵⁴.

Сердечно, тепло, душевно! С глубокой сыновней любовью, с преданием всего происшедшего в руки Божии: «...на то была Его святая воля»!

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дамаскин (Орловский), игум. 2006—2016 — *Дамаскин (Орловский), игум. Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Январь—Июль. Тверь, 2006—2016.* [*Damascene (Orlovsky), hegumen. Zhitiia novomuchenikov i ispovednikov Tserkvi Russkoi. Ianvar'—Iiul' (Life of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church. January to July). Tver', 2006—2016.*]
- Труханов М., прот. 2010 — *Труханов М., прот. Воспоминания: первые сорок лет моей жизни. М., 2010.* [*Trukhanov M., archpriest. Vospominaniia: pervye sorok let moei zhizni (Memories: the first forty years of my life). Moscow, 2010.*]
- Четверухина 2016 — *Слава Богу за все... Жизнеописание сщмч. Илии Четверухина. История его семьи по воспоминаниям родных и духовных чад. Проповеди. Письма / Сост. О. С. Четверухина. Сергиев Посад, 2016.* [*Slava Bogu za vse... Zhizneopisanie sviashchennomuchenika Ilii Chetverukhina. Istoriia ego sem'i po vospominaniiam rodneykh*

⁵³ Четверухин И., свящ. 2016. С. 247—249.

⁵⁴ Там же. С. 250.

ЖИЗНЬ БЛАЖЕННАЯ И СВЕТЛАЯ...

i dukhovnykh chad. Propovedi. Pis'ma (Praise God for everything... The life story of the holy martyr Iliia Chetverukhin. His family's story is based on the memories of family and spiritual children. Sermons. Letters) / Sostavila O. S. Chetverukhina. Sergiev Posad, 2016.]

Abstract

Skurat K. E. "A truly blessed and enlightened life is a life in Christ". According to the letters of Holy Martyr Elias Chetverukhin. Part I

The article is a spiritual biography of the Holy Martyr Elias Chetverukhin. Based on the memories of Elias' own father and his letters from imprisonment, the A. reveals the main spiritual qualities of the martyr, shows his spiritual growth and deepening faith in the difficult conditions of the Soviet concentration camp. So before the eyes of the reader stands a true spiritual portrait of the martyr Iliias.

Keywords: life in Christ, Holy Martyr Elias Chetverukhin, letters from imprisonment.